

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

АКИЛОВА НИГОРА АЗИЗОВНА

**ТРАДИЦИИ ДОИСЛАМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИРАНСКИХ НАРОДОВ
В ТВОРЧЕСТВЕ АБУ НУВАСА**

**10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(таджикская литература)**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Душанбе – 2019

**Работа выполнена на кафедре арабской филологии
Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова**

Научный руководитель:	доктор филологических наук, член-корреспондент АН РТ, профессор, Зоҳиди Низомиддин Шамсиддинзода
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор кафедры истории таджикской литературы Таджикского национального университета Абдусатторов Абдушукур кандидат филологических наук, доцент, директор Центра исламоведения при Президенте Республики Таджикистан Файзулло Баротзода
Ведущая организация:	Институт языка и литературы имени А. Рудаки Академии Наук Республики Таджикистан

Защита диссертации состоится «17» мая 2019 г. в 15:00 часов на заседании объединенного диссертационного совета Д 999.116.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Таджикском государственном педагогическом университете имени Садриддина Айни, Худжандском государственном университете имени Б. Гафурова и Таджикском государственном институте языков имени С. Улугзаде по адресу: 734003 г. Душанбе, проспект Рудаки, 121.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни и на сайте www.tgpu.tj

Автореферат разослан « » _____ 2019 г.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета,
Доктор филологических наук

Элбоев В.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Средневековая арабо-мусульманская литература является продуктом возникновения Ислама и завоевания арабами в VII – VIII веках огромных территорий на Ближнем и Среднем Востоке, Северной Африке и Андалусии. Арабская экспансия сопровождалась повсеместным распространением новой монотеистической религии, а также арабского языка и арабской письменности на огромном пространстве, населенном различными народами. Арабы как носители новой духовно-религиозной и политической силы смогли объединить покоренные народы в единую мусульманскую общину и создать мощное теократическое государство – Халифат. Многие покоренные народы, вошедшие в состав Халифата, были ассимилированы завоевателями и стали не только мусульманами, но и «арабизировались», утратив свои национальные языки и традиции. Только иранские народы приняв Ислам и арабскую письменность, а также используя арабский язык в VIII-IX веках в качестве единственного литературного языка, смогли восстановить в X веке свою политическую и культурно-языковую самостоятельность.

Образование арабо-мусульманского Халифата положило начало процессу взаимодействия и обмена культур покоренных народов. В результате диалога различных культур сформировалась арабо-мусульманская культура, основу которой составляли арабский язык и исламское мировоззрение. В этом смысле, в создании арабо-мусульманской культуры, а также арабоязычной литературы как неотъемлемой части этой культуры, приняли участие не только арабы, но и другие народы, населявшие Халифат. Огромный вклад в создание арабоязычной литературы и культуры средних веков внесли иранские народы. Богатые традиции культуры и литературы доисламского Ирана были внесены в общую копилку мусульманской культуры и литературы на арабском языке, образованными представителями иранских народов – арабоязычными поэтами и писателями. Одним из самых известных носителей и проводников этих традиций в арабскую поэзию, несомненно, был замечательный поэт-новатор Абу Нувас. Творчество Абу Нуваса насыщено иранскими культурными и литературными традициями, новыми темами и мотивами, нехарактерными для арабской поэзии предшествовавших эпох. Выделение и исследование иранского компонента в творчестве Абу Нуваса призваны способствовать изучению взаимосвязей, которые существовали между арабской литературой и литературой иранских народов в первые века Ислама. Вместе с тем, Абу Нувас внося иранские элементы в свое творчество, способствовал их сохранению и продолжению в оболочке арабской поэзии. Отсюда, изучение творчества Абу Нуваса в данном ракурсе может содействовать также и определению особенностей иранской литературной системы в эпоху молчания персидского языка.

Степень изученности темы. Жизнь и творчество Абу Нуваса ввиду огромной популярности его личности как поэта-новатора становились предметом исследования как средневековых литераторов, так и ученых-арабистов нового времени. Уже в IX-X веках сведения о поэте и образцы его стихов были собраны в одноименных сборниках под названием «Ахбор Аби Нувас» такими литераторами как Юсуф ибн Доя, Абу Таййиб ибн Вашша, Ибн Аммар и Абу Хиффан, из которых до нас дошел только сборник, составленный Абу Хиффаном. Ценный биографический материал и сведения о творческой личности Абу Нуваса, дополняющие сборник Абу Хиффана, содержит также труд известного лексикографа Ибн Манзура (1233-1311) под тем же названием «Ахбор Аби Нувас».

Сведения и отрывки из творчества Абу Нуваса приведены также в многочисленных антологиях арабской поэзии и трудах биографического характера, принадлежащих перу Ибн

ал-Муътаза, Ибн Кутайбы, Сули, Абу-л-Фараджа ал-Исфахани, Ибн Халликона и других средневековых филологов. Опираясь на эти сведения, жизнь и творчество Абу Нуваса исследовали западно-европейские ученые К. Брокельман, А. Кремер, В. Альвард, Х.А.Р. Гибб, Р. Дози, Ф. Габриели, Дж. Беншейх, А. Шааде, Е. Вагнер и другие. В монографиях и статьях указанных ученых анализу были подвергнуты, как творчество Абу Нуваса в целом, так и отдельные грани поэзии и творческой личности поэта, часто сравниваемого западноевропейцами с Генрихом Гейне (1797-1856), последним поэтом “Романтической эпохи”.

Огромное количество научных трудов об Абу Нувасе издано в арабских странах. Среди этих трудов важное значение имеют работы таких ученых, как Таха Хусейн, Умара Фарруха, Али Шалака, А.М. ал-Аккада, Абдурахмана Сидки, Шавки Зайф и других. В этих трудах освещены важные вопросы творческой биографии поэта, рассмотрены особенности отдельных жанров его поэзии, определено значение новаторства Абу Нуваса для развития арабской литературы Обновления, анализированы особенности его поэтического стиля и художественного мастерства.

Ряд ценных трудов о жизни и творчестве Абу Нуваса опубликованы русскими арабистами, среди которых следует упомянуть В.Р. Розена, И.Ю. Крачковского, И.М. Фильштинского. Отдельную книгу Абу Нувасу опубликованную в серии «Писатели и ученые Востока», посвятила Б.Я. Шидфар. Книга воссоздала творческую биографию и подлинный образ Абу Нуваса на фоне политических и культурных событий Арабского Халифата VIII-IX веков.

В вышеуказанной обширной научной литературе о творчестве Абу Нуваса можно встретить отдельные и общие указания на доисламские иранские культурно-литературные традиции в творчестве поэта. Например, Х.А.Р. Гибб, рассуждая о вкладе Абу Нуваса в утверждение новой поэзии, замечает, что «новые тенденции усилились также благодаря появлению на поэтическом поприще иранцев, которые, несомненно, привнесли в нее некоторую утонченность и черты урбанизма..., чего до тех пор не доставало арабской поэзии» [1,44].

Тем не менее, вопрос о выделении и исследовании иранского компонента в творчестве Абу Нуваса и, в более широком плане, в арабской поэзии Обновления в указанных выше трудах не ставился и не рассматривался на основе конкретного поэтического материала-творчества Абу Нуваса и его соратников по привнесению иранского компонента в арабскую поэзию Обновления. Следует признать, что первую попытку в этом направлении предпринял В.А. Эберман, который намеревался исследовать произведения арабоязычных поэтов иранского происхождения с точки зрения проявления в них иранских элементов. Изыскания ученого были нацелены на выяснение, как он сам писал, «истории той общей ирано-арабской литературной среды, которая с одной стороны, породила молодую новоперсидскую поэзию, с другой – повлияла и переродила арабскую, дав ей культурный тип, отличный от бедуинской поэзии» [10,429]. К сожалению, преждевременная смерть не позволила В.А. Эберману довести до конца начатые изыскания: он успел опубликовать две статьи – одну об арабоязычных поэтах иранского происхождения эпохи Омейядов и вторую об аббасидском поэте из Согда ал-Хурайми. Образцами исследования иранского компонента в творчестве Абу Нуваса являются две статьи академика И.Ю. Крачковского о сасанидских чашах в стихах поэта [4,422].

Планомерное исследование арабоязычной литературы первых веков ислама, нацеленное на определение иранского вклада в развитие этой литературы, принадлежит перу Н. Зохидова. Разумеется наряду с другими поэтами, ученый рассматривает и творчество Абу

Нуваса, но всеобъемлющее изучение творений поэта и выделение в них иранских традиций не входили в круг основных задач его исследования.

Таким образом, краткий анализ вышеперечисленных научных трудов свидетельствует, что жизнь и творчество Абу Нуваса, новаторство и различные грани его поэтического таланта, а также вклад поэта в развитие поэзии Обновления привлекали пристальное внимание исследователей. В тоже время иранский компонент в творчестве Абу Нуваса, не без основания прозванного «великим представителем иранской культуры в арабской поэзии», до сих пор не становился предметом всестороннего и скрупулезного исследования.

Исходя из этого, в настоящей диссертации предпринята попытка восполнить этот пробел, что необходимо для раскрытия сущности новаторства Абу Нуваса и определения всех аспектов его поэтического дарования.

Цели и задачи исследования. В диссертации поставлена цель исследовать традиции доисламской иранской культуры и литературы в творчестве Абу Нуваса, определить значение творчества поэта в сохранении и развитии этих традиций в эпоху молчания персидского языка.

Для достижения этой цели в диссертации были поставлены следующие задачи:

- определить политические и социально-культурные аспекты формирования общей арабо-иранской литературной среды в VIII-IX вв;
- исследовать основные вехи жизни и творчества Абу Нуваса;
- рассмотреть новаторство Абу Нуваса в контексте проявления иранских традиций в его творчестве;
- исследовать тематический диапазон винной поэзии Абу Нуваса, выделить образы и мотивы, навеянные доисламскими культурными и литературными традициями иранских народов;
- проанализировать другие жанры поэзии Абу Нуваса на предмет выделения в них иранских элементов;
- исследовать «фарсийят» Абу Нуваса, определить особенности использования персидской лексики в поэзии Абу Нуваса;
- определить значение творчества в сохранении и развитии традиций литературной системы иранских народов в эпоху господства арабского языка на литературном поприще;

Источники исследования. В качестве источников исследования, кроме поэтического наследия самого Абу Нуваса, использованы также литературные, исторические и научно-теоретические сочинения средневековых арабских и персидско-таджикских авторов. Среди этих источников важное значение для изучения жизни и творчества Абу Нуваса имеют книга его ученика Абу Хиффана «Ахбор Аби Нувас», а также более позднее одноименное сочинение автора XIII века Ибн Манзура, содержащее подробности, не упомянутые Абу Хиффаном. В качестве источников к исследованию привлечены также «Табакот-аш-шуаро ал-мухдасин» Ибн ал-Муътазза, «Китаб аш-шеър ва-ш-шуаро» Ибн Кутайбы, «Китаб ал-агани» Абу-л-Фараджа ал-Исфахани, «Вафаят ал-аъян» Ибн Халликана, «Китаб ал-Аврак» Абу Бакра ас-Сули, «ал-Икд ал-Фарид» Ибн Абд Раббихи, «Нихаят ал-араб» ан-Навири, «Захр ул-адаб ва самар ул-албаб» ал-Хусрий ал-Кай-Рувани и др.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые в таджикском литературоведении творческое наследие Абу Нуваса рассмотрено как порождение общей арабо-иранской литературной среды VIII-IX веков;

- Определены факторы, способствовавшие арабо-иранскому культурному взаимодействию и взаимовлиянию в первые века Ислама;

-Системно исследован иранский компонент в поэзии Абу Нуваса, представленный мотивами, образами и традициями, которые были навеяны доисламской культурой и литературой иранских народов;

-Определено значение творческого наследия Абу Нуваса в сохранении и развитии традиций доисламской персидско-таджикской литературы в условиях, когда творчество на арабском языке было исторически обусловленной формой проявления литературного мышления иранских народов.

Научно-теоретическая значимость исследования. Теоретическое значение диссертации состоит в том, что материалы и выводы исследования призваны дополнить теоретическую базу современного таджикского литературоведения и ориенталистики. Теоретические результаты диссертации могут быть использованы при исследовании арабо-иранского литературного синтеза, а также при изучении арабоязычной литературы, созданной представителями иранских народов в средние века.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при написании учебников по истории персидско-таджикской литературы, истории арабоязычной литературы, а также при чтении спецкурсов по истории арабоязычного периода персидско-таджикской литературы, истории арабо-иранских литературных связей.

Методологическую основу диссертационной работы составляют сопоставительно-исторический метод анализа типологии жанров и структуры литературного наследия и историко-типологический подход к исследуемому явлению в сочетании с конкретным литературоведческим, сопоставительным и текстологическим анализом поэтических произведений.

Теоретическую основу диссертации составляют положения арабского и персидско-таджикского литературоведения и востоковедения, выдвинутые в трудах таких известных зарубежных и отечественных ученых, как К. Брокельман, А. Кремер, В. Альвард, Г.Э. Грюнебаум, Х.А.Р. Гибб, Р. Дози, Ф. Габриэлли, Е. Вагнер, В.Р. Розен, И.Ю. Крачковский, В.А. Эберман, И.М. Фильштинский, Б.Я. Шидфар, А.Б. Куделин, Т. Хусейн, У. Фаррух, Ш. Зайф, А.М. ал-Аккад, А. Шалак, М. Бахор, М. Минави, А. Содики, О. Озарнуш, Т. Мардони, А. Абдусаттор, Н. Зокидов и др.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

- творческое наследие Абу Нуваса было порождением общей арабо-иранской культурной среды VIII-IX веков.
- новаторство Абу Нуваса сложилось под определенным воздействием тенденций, не имевших корней в доисламской поэзии арабов, но характерных для культуры и литературы иранских народов.
- поэзия Абу Нуваса, особенно его винные стихи и любовная лирика обильно населены иранскими мотивами и образами, свидетельствующими о тяготении автора к культурно-литературным традициям иранских народов.
- «фарсийят» Абу Нуваса, будучи частью иранского компонента его поэзии, представляют большую ценность как для истории персидского языка, так и для истории литературы иранских народов.
- в творческом наследии Абу Нуваса, прекрасно знавшего традиции арабской поэзии и не скрывавшего свои симпатии к древнеиранской старине, наиболее полно и зримо проявился арабо-иранский поэтический синтез средних веков.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования апробированы в виде отдельных статей на ежегодных научных конференциях преподавательского состава

ХГУ им. Б. Гафурова, традиционных научных конференциях преподавателей и студентов ХГУ им. Б. Гафурова (2012, 2013, 2014 гг.), международной научно-теоретической конференции, посвященной «Году развития туризма и народных ремесел», научно-теоретических семинарах кафедры арабской филологии. По теме диссертационной работы изданы статьи в научных сборниках университета и центральных научных издательствах (Душанбе).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, 11 разделов и 5 подразделов, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении диссертации обоснованы актуальность темы исследования, определена степень ее разработанности, поставлены цели и задачи работы, обоснована ее научная новизна, приведена краткая характеристика источников научного анализа и определены теоретические и практические ценности исследования.

Первая глава диссертации – «Жизнь и творчество Абу Нуваса как порождение общей арабо-иранской литературной среды VIII-IX вв.» состоит из трех разделов.

В первом разделе главы – «Политические и социально-культурные аспекты формирования литературной среды эпохи Абу Нуваса» подробно рассмотрены факторы возрождения иранских народов после арабского завоевания, которое стало возможным в результате тех событий, которые произошли в политической, социальной и культурной жизни иранских народов в VIII-IX вв. Суть этих событий составляет борьба за сохранение и развитие культурного бытия иранских народов в условиях арабского завоевания и господства арабского языка.

Успеху этой борьбы способствовали многие факторы. Изучение этих факторов содействует выявлению особенностей той культурной и литературной среды VIII-IX вв, в которой создавалась литература Обновления и в которой творили Абу Нувас и другие поэты и писатели. Именно в этой среде иранским народам удалось отстоять право своего доисламского культурного опыта на дальнейшее существование и развитие. Исходя из этого были выделены факторы, способствовавшие формированию культурной и литературной среды эпохи Абу Нуваса.

Одна из особенностей культурной и литературной среды Халифата VIII-IX вв, заключалась в том, что зороастрийская традиция, в соперничестве с исламом обреченная на историческое небытие, была в VIII-IX вв. все еще живым явлением культурного бытия иранских народов и оказывала существенное влияние на духовную и культурную жизнь Халифата. Именно из этой традиции берут свое начало населяющие арабоязычную литературу, в частности поэзию Абу Нуваса, доисламские зороастрийские мотивы.

Другой особенностью культурной и литературной среды указанных веков было функционирование арабского языка в качестве официального среди иранских народов. В результате, представители образованных слоев иранских народов в совершенстве овладели арабским языком. Из их среды вышли многочисленные писатели, поэты, филологи, представители различных областей науки, которые наряду с арабами и другими народами Халифата приняли активное участие в создании различных сфер арабо-мусульманской культуры. К числу таких сфер, безусловно, относится арабская литература, в развитии которой в VIII-IX веках велика заслуга Абу Нуваса и других поэтов и писателей иранского происхождения. Этот факт подтверждает И.М. Фильштинский писавший, что творцами арабской литературы Обновления «были в основном выходцы из среды мусульман-иранцев и других неофитов» [7,289].

Существенное влияние на сложение общей арабо-иранской культурной и литературной среды оказывал фактор распространения персидского языка в качестве разговорного в VIII-IX вв. не только в Иране, но и в центрах Халифата. Сосуществование персидского языка с арабским языком – официальным и литературным языком Халифата, придавало культурной и литературной среде характер арабо-иранского бикультурализма, основу которого составлял арабо-персидский билингвизм. Характерным примером такого бикультурализма является творчество Абу Нуваса.

Плодотворное влияние на формирование общей арабо-иранской литературной и культурной среды в VIII-IX веках оказало возникновение и развитие движения по переводу доисламского историко-культурного и литературного наследия иранских народов на арабский язык. Переводчиками этого наследия были, в основном, арабоязычные писатели-носители арабо-иранского бикультурализма, которые писательскую деятельность совмещали с переводческой. Именно в этот период сформировалась школа иранских переводчиков во главе с Абдуллахом ибн Мукаффы (723-759). В источниках названы имена более 30 представителей этой школы [3,162-204].

Шуубитская полемика в VIII-IX веках и созданная на ее основе литература были частью культурной и литературной среды рассматриваемого периода. Важным в шуубитской литературе является то, что, разрабатывая характерные антиарабской и антихалифатской полемике мотивы, поэты и писатели вносили в свое арабоязычное творчество навеянные иранской культурой образы и идеи, обращались к легендарной и действительной истории Ирана, изображали традиции и обычаи иранских народов. Тем самым, шуубиты, с одной стороны, способствовали обогащению арабской литературы нехарактерными для нее новыми темами и мотивами, с другой, - содействовали возрождению культуры и литературы иранских народов.

Второй раздел данной главы «Творческая биография Абу Нуваса» посвящен исследованию биографии известного поэта, который жил и творил в период «золотого века» арабской литературы, и прославился в истории арабоязычной литературы созданием бесценных поэтических произведений.

Более полное имя поэта, приведенное в средневековых источниках, выглядит следующим образом: Абу Али Хасан ибн Хани ибн Абд ул-Аввал ибн Саббах ал-Хаками ад-Димашки. Имя, которым нарекли будущего поэта его родители, был «Хасан», а «Абу Нувас» является поэтическим псевдонимом, которого, по сообщениям ряда источников, Хасан избрал себе сам, а по словам Хамзы ал-Исфакхани, этим псевдонимом его назвал Халаф ал-Ахмар [9,47] по имени могущественного царя йеменцев Зу Нуваса, в чем проявилась симпатия поэта и его учителя к древнему Йемену за его связи с Ираном [12,194;11,II,347]. Что касается даты рождения Абу Нуваса, то биографы поэта расходятся в точном ее определении, но указывают период между 136-145 г.х. (753-766 гг.). Ибн ал-Муътазз в качестве такой даты называет 139 г.х., что является более правдоподобным хотя бы потому, что он является младшим современником Абу Нуваса, а авторы других источников жили намного позже Абу Нуваса. Местом рождения поэта источники единодушно считают небольшой город Ахваз в Хузистане, находящийся в южной, иранской части Халифата [11, II,347]. Юношеские годы жизни Абу Нуваса прошли в Басре. Басра в то время была крупным научным и культурным центром, где обитали многие известные ученые-филологи и выдающиеся поэты и писатели. В этом городе Абу Нувас освоил почти весь комплекс наук своего времени. Все это, вдобавок к отличному знанию арабского языка и арабской поэзии предшествующих эпох, способствовали его становлению как одного из самых образованных и эрудированных поэтов в истории арабо-мусульманской литературы. Арабские биографы

Абу Нуваса ничего не сообщают о персидской образованности поэта, однако его поэзия с обильно населяющим ее иранскими элементами, свидетельствуют о его прекрасном знании персидского языка, древнеиранских легенд и преданий, истории и культуры иранских народов. Абу Нувас, родившийся в иранском Хузистане и воспитывавшийся в городе Басре с его арабо-персидской двуязычной средой и бикультурализмом стал блестящим носителем иранской культурной традиции в арабской литературе эпохи Аббасидов.

Перебравшись из Басры в столицу Халифата – город Багдад приблизительно в 784-785 гг. и снискав славу великого поэта, Абу Нувас становится не только придворным поэтом при дворе аббасидских халифов Харуна ар-Рашида (786-809) и его сына ал-Амина (809-813), но и их фаворитом среди придворных поэтов. В это время слава поэта распространяется по всему Халифату, а его стихи в различных жанрах, в особенности его любовные и винные стихи признаются шедеврами арабской поэзии. Вино было главной и основной темой стихов величайшего поэта. Именно в винные стихи он внедрял ставшие для его творчества традиционными выпады против канонов арабской поэзии джахилия, а также новые темы и мотивы, навеянные доисламской иранской культурной традицией. Более того, именно винная поэзия Абу Нуваса содержала кощунственное воспевание радостей разгульной жизни и вина, которое не соответствовало нормам исламской морали и вызывало полное неприятие у правоверных мусульман. Из-за присущих поэзии Абу Нуваса фривольностей и гедонистических мотивов, которые часто преподносились Харун ар-Рашиду и ал-Амину врагами его исключительного поэтического таланта как свидетельства «антимусульманских» и «антиарабских» стихотворений поэта, он несколько раз оказывается заточенным в темнице. Всё это подорвало здоровье Абу Нуваса и стало причиной его гибели примерно в 813 году в возрасте 59 лет. Среди исследователей существует множество версий относительно смерти Абу Нуваса, анализ которых в диссертации проведен на основе обширного фактологического материала литературно-исторических источников. Таким образом, Абу Нувас прожил недолгую, но очень насыщенную разными событиями жизнь. Будучи великим поэтом своего времени, он был в центре внимания всех поэтов и литераторов, халифов и везиров. Было много тех, кто гордились творениями поэта и любили его, но были и те, кто завидовали его таланту и ненавидели его самого.

Истории взаимоотношений Абу Нуваса со многими представителями власти и людьми пера рассказаны биографами поэта. Среди этих историй в диссертации рассмотрены те, которые отражают литературную жизнь эпохи, свидетельствуют о творческих взаимоотношениях между Абу Нувасом и его коллегами по литературному цеху, раскрывают те или иные грани его творчества и поэтической личности.

Третий раздел первой главы назван «Поэтическое наследие Абу Нуваса» и в нем рассматриваются вопросы поэтического наследия и разнообразия поэтических жанров творчества поэта. Абу Нувас оставил после себя огромное поэтическое наследие, которое впервые было собрано в диван арабоязычным историком и филологом иранского происхождения Хамза ал-Исфахани (ум. в 981г.). Кроме сбора стихов поэта, Хамза ал-Исфахани провел огромную исследовательскую работу, отделяя подлинные творения Абу Нуваса от приписанных ему. В результате, он включил в диван поэта **1500** стихотворений, общее количество бейтов которых превысило **13000**. [14, I.1].

Ценность этого дивана заключается в том, что Хамза ал-Исфахани, опираясь на свои обширные знания в истории и культуре Ирана, подробно прокомментировал иранские элементы творчества Абу Нуваса. Именно этого достоинства не хватало другим

составителям дивана Абу Нуваса, которые не всегда понимали персидские элементы его творчества и просто не включали такие стихи в составляемые им диваны поэта. Кроме Хамзы ал-Исфахани, стихи Абу Нуваса и известия о нем в средние века были собраны еще десятью другими филологами и литераторами [13,182]. Диваны Абу Нуваса, составленные некоторыми филологами, в особенности Абу Бакром ас-Сули (ум. 335/946г.), пользуются доверием знатоков поэзии, однако являются неполными и не представляют весь объем поэтического наследия Абу Нуваса.

Диван Абу Нуваса, составленный Хамзой ал-Исфахани, впервые был издан в Каире в 4-х томах: первые три тома были подготовлены к печати Е. Вагнером, а четвертый том Г. Шулером. Этот диван, впоследствии изданный в пяти томах в Бейруте [14], несомненно, создал основу для всестороннего исследования творческого наследия Абу Нуваса.

Хамза разделил составленный им диван на 5 частей, 15 глав и 80 параграфов. Каждая из 15 глав дивана содержит стихотворения отдельного жанра поэзии Абу Нуваса, либо посвящена отдельным вопросам его поэтического творчества. В диссертации кратко рассмотрено содержание этих глав дивана.

Абу Нувас создавал неподражаемые образцы поэтического искусства в традиционных жанрах, таких как мадх, хиджа, риса, газал, а также в нетрадиционных, новых для арабской поэзии жанрах, как хамрийят и тардийят, основоположником которых он, по-праву, считается. Именно сочинение поэтом хамрийят прославило его имя как непревзойденного мастера художественного слова. Недаром, Хамза включил в девятую главу, занимающую целый третий том дивана Абу Нуваса, 323 стихотворения жанра хамрийят [14,III,1], что составляет одну четвертую часть всего наследия поэта. Хамрийят является тем жанром, в котором в наиболее полной мере проявились поэтический талант и мастерство Абу Нуваса, его новаторство, антитрадиционализм, его вольнодумство и свободолюбивый характер, его неприятие бедуинской культуры и приверженность ко всему новому, его убеждения и мировоззрение. Хамрийят Абу Нуваса содержат блестящие образцы его «протеста» против традиционного начала арабской касыды, а также приверженность поэта ко всему «новому», которое часто ассоциируется в его стихах с «иранским».

Также нетрадиционным для арабской поэзии жанром творчества поэта является «ал-газал би-л-музаккар» (газели, в которых воспеты юноши). Современная арабская литературная критика возникновение «ал-газал би-л-музаккар» связывает с влиянием иранских традиций на арабскую поэзию, а проводником этого влияния считает Абу Нуваса.

Таким образом, анализ содержания глав составленного Хамзой ал-Исфахани дивана свидетельствует о разнообразии жанров и богатстве поэтического наследия Абу Нуваса.

Вторая глава диссертационного исследования «Иранские мотивы в хамрийят Абу Нуваса» состоит из шести разделов, которые посвящены исследованию иранского компонента в тематическом поле хамрийят Абу Нуваса. В этой связи в диссертации отмечается, что удивительные сравнения, разнообразие образов и героев, мастерское сочетание слов, художественное воплощение реальных событий и новых мотивов в своих хамрийят Абу Нувас дополнил иранскими культурными и историко-литературными элементами доисламского периода. Отсюда, описание традиций и обычаев, связанных с вином и винопитием в доисламском Иране, сравнение доисламских иранских традиций с арабскими традициями и обычаями, были одними из распространенных тем винных стихотворений Абу Нуваса. Поэт, создавая винные произведения, параллельно выражал свое неприятие традиций старо-бедуинской поэзии и древних обычаев арабской цивилизации, которые он часто сравнивал с иранской историей и культурой.

В первом разделе «Происхождение, название, образы и эпитеты вина»

исследуются иранские мотивы, связанные с указанным тематическим блоком хамрийят Абу Нуваса. При этом выясняется, что в винных стихах Абу Нуваса описываемое вино является преимущественно иранским. Об этом свидетельствует часто используемое поэтом такие определения, как «хусравий», «ал-мудам ал-хусравий», «ар-рахик ал-хусраваний», «шараб хусравий», которые означают «хосровское (царское иранское) вино». Вот один из многих таких определений вина:

داوِ يَحْيَى مِنْ خُمَارِهِ بَيِّنَةُ الدَّنِّ، وَقَارِهِ
 مِنْ شَرَابِ خُسْرَوِي مَا تَعْنَوْنَا بِأَعْتَصَارِهِ

***Исцели Яхью от похмелья дочерью кувшина и смолы –
Хосровским вином, выжимая который, не утомляли себя [15,95].***

Часто Абу Нувас, верный своей приверженности к иранской культуре и питавший неприязнь ко всему бедуинскому, называет вино «захаир Кисра» (сокровищем Хосрова) или же «турас Кисра Ануширван» (наследием Хосрова Ануширвана) и заявляет о непричастности древних арабов к этому наследию:

تُرَاثُ أَنْوَشِرْوَانَ كِسْرَى، وَ لَمْ تَكُنْ مَوَارِيثُ مَا أَبَقَتْ تَمِيمٌ وَ لَا بَكْرٌ

(Вино) – наследие Хосрова Ануширвана.

Его не оставило в наследство ни Тамим и ни Бакр [15,102].

Абу Нувас предпочитает старое, выдержанное вино. Поэт считает, что по-настоящему выдержанное и старое вино относится к «временам Хосровов», т.е. к доисламскому прошлому Ирана. В нижеприведенном отрывке поэт возводит родословную восплаемого им вина к «Кисре и Шапур», т.е. к древнеиранским царям, отвергая при этом сопричастность арабов к вину как наследию прошлого:

سَلَاةٌ لَمْ تَعْتَصِرْهَا يَدٌ وَلَمْ تُدْنِسْهَا الْأَعَاصِيرُ
 كَرِيمَةٌ أَصْعَرُ آبَائِهَا إِنْ نَسِبَتْ كِسْرَى وَ سَابُورَ

***Высшее вино! Его не выжимала ни одна рука и не пачкали его смерчи пустыни,
Оно – благородного происхождения. Его самые близкие предки, - если перечислять
его родословную, - Хосров и Шапур [15,14].***

В связи с неоднократным упоминанием имени «Хосрова» в вышеуказанных образах и мотивах следует отметить, что оно является не только именем нескольких иранских царей, но и является нарицательным обозначением правителей доисламского Ирана. Отсюда мотив «вино – сокровище Хосрова» означает, что вино является наследием древнеиранской цивилизации и культуры.

Для характеристики иранского вина и его свойств Абу Нувас использует целый ряд образов, созданных на основе персонификации вина. В них вино предстает в образе «бинт Кисра» (дочь Хосрова), «банот Кисра» (дочери Хосрова), «арус, кана Кисра рабибаха» (невеста, отчимом которой был Хосров), «бинт даскара» (дочь иранской деревни), «азра мин карами дихкан» (девственница из лозы иранского дихкана) и другие. Все эти мотивы, проиллюстрированные в диссертации многочисленными стихотворными отрывками из хамрийят Абу Нуваса, характеризуют иранское вино и олицетворяют такие его качества, как выдержанность, чистоту, прозрачность, сладкий вкус и др.

Мастерское разыгрывание указанных образов и мотивов позволяет поэту создавать сюжетные стихотворения с разнообразием зарисовок, в которых непременно присутствуют диалог с виноторговцем и сцена «сватовства» девственницы – вина. Обычно, посетители винной лавки чтобы купить вино, персонифицированное в образе невинной девушки, должны сватать ее у отца-дихкана, т.е. виноторговца. И только благородным людям готов отдать свою дочь виноторговец, который с трудом расставаясь с нею, запрашивает самую

высокую цену за такую выдержанную невинную девушку, т.е. древнее иранское вино. Поэт приписывает ему самые лучшие качества, к тому же это вино созревало под солнечными лучами и выдерживалось в темном месте. Такая сюжетная канва и такие описания часто повторяются в хамрийят Абу Нуваса. В качестве примера приведем следующее стихотворение Абу Нуваса, в котором иранское вино персонифицировано в образе дочери дихкана:

فَرَوَجْنَا مِنْهُنَّ فِي خَدْرِهِ الْكُبْرَى	خَطَبْنَا إِلَى الدَّهْقَانِ بَعْضَ بَنَاتِهِ
إِلَى أَنْ بَلَّغْنَا مِنْهُ غَايَتَهُ الْقُصْوَى	وَمَا زَالَ يُعْلِي مَهْرَهَا، وَيَزِيدُهَا
وَحَاضِنُهَا حَرَّ الْهَجِيرِ إِذَا يَجْمَى	رَحِيقًا أَبُوهَا الْمَاءَ، وَالكَرْمَ أُمُّهَا
لِيَغْضُتْهَا النَّارَ الَّتِي عِنْدَهُمْ تُذَكِّي	مَجُوسِيَّةً، قَدْ فَارَقَتْ أَهْلَ دِينِهَا
فَمَا سَكَنْتُ حَتَّى أَمْرُنَا بِهِ يُطْفِئُ	رَأَتْ عِنْدَنَا ضَوْءَ السَّرَاجِ؛ فَرَاعَهَا
وَتَسْجُدُ أُخْرَى حِينَ تَسْجُدُ لِلْمَسْرَى	إِذَا أَصْبَحَتْ أَهْدَتْ إِلَى الشَّمْسِ سَجْدَةً

Мы посватали у дихкана одну из его дочерей и в лавке своей он женил нас на самой старшей¹

Он продолжал просить все больше и больше приданого за нее, пока мы не достигли предела его желаний,

Это старое выдержанное вино, отец которому вода, а мать – лоза, кормилицей является полуденный зной, когда бывает жарче всего.

Оно подобно зороастрийке, которая покинула своих единоверцев из-за ненависти к огню, разжигаемому у них.

А у нас, увидев свет светильника, внушавшего ей трепет, не успокоилась до тех пор, пока мы не потушили светильник,

Вставая утром, она поклоняется солнцу и повторяет свой поклон, когда солнце склоняется к закату [15,118-119].

Как явствует из этого отрывка, образы и сравнения, которые поэт использовал в этом стихотворении, заимствованы из доисламского иранского культурного мира, а точнее из древнеиранской зороастрийской традиции, знатоком которых и был Абу Нувас.

Прием заимствования объектов поэтических сравнений из иранского доисламского культурного мира часто использован Абу Нувасом и при описании пузырьков вина, примеры которых приведены в диссертации. Приводим для иллюстрации следующий бейт поэта, в котором пузырьки и рябь, образующиеся на чаше после смешения вина с водой, сравниваются с персидским письмом:

كَأَنَّ سَطُورًا فَوْقَهَا فَارْسِيَّةً تَكَادُ وَإِنْ طَالَ الزَّمَانُ تَبِينُ

Как будто над вином персидские строки. Хотя и прошло много времени, они все еще отчетливо видны [15,68-69].

Второй раздел данной главы посвящен описанию чаш и кубков вина, которое считается важным для исследования иранского компонента в хамрийят Абу Нуваса. Следует отметить, что сосуды для питья вина поэты описывали и до Абу Нуваса, и после него, так как это считается требованием жанра. Но среди всех других поэтов, Абу Нувас славится своими описаниями «хосровских», т.е. доисламских иранских винных чаш. Эти его стихи ввиду оригинальности описаний неоднократно привлекали внимание, как средневековых филологов, так и современных ученых. В свое время академик И.Ю. Крачковский посвятил две статьи анализу четырех стихотворных отрывков Абу Нуваса с описаниями сасанидских чаш. Еще на один отрывок Абу Нуваса, где описывается «чаша Хосрова», обратил внимание исследователей творчества поэта Н. Зохида [2,135-136]. На всех этих пяти отрывках Абу

¹ Кроме специально оговоренных случаев, стихотворные отрывки приводятся в дословном переводе автора.

Нувас описал винные чаши, на которых были изображены фигуры иранского царя и его свиты. Изюминкой этих сихотворных отрывков был образ, построенный на описании того, насколько вино, наливаемое в чашу с изображениями иранского царя и его людей, а также пены и пузырьки, образующиеся на чаше при смешении вина с водой, закрывали изображенные фигуры. Различные вариации этого образа и представлены в пяти винных стихах Абу Нуваса, подробно рассмотренных в диссертации. Приводим один из этих отрывков с описанием золотой чаши с изображениями, который интересен тем, что когда чаша наполняется вином, то кажется, что изображенные на чаше войска тонут в воде:

طاسات تير، خمرها يفهقُ	تَرْوُجُ الخَمَرِ من الماءِ، في
تَسْمَعُ للداعي، ولا تَنْطِقُ	مَنْطِقَاتٍ بِتصاوِيرِ، ولا
مُحْتَفِرٌ ما بَيْنَهُمْ خَنْدَقُ	على تماثيل بني بابكِ
كتائبٌ في لُجَّةٍ تَغْرَقُ	كأنهم والخمرُ من فوقهمُ
يهيمُ في أطلالها أحمقُ	فالنَّعْتُ ذَا، لا نَعْتُ دارٍ خَلَّتْ

Она (виночерпий) смешивает вино с водой в чашах из золота, внутренность, которых заполнена,

Опоясанных изображениями, которые не слышат зовущего и не говорят

Перед фигурами сынов Бобака, среди которых вырыт ров.

Они, когда вино над ними, похожи на отряды войск, тонущие в пучине.

Вот это стоит описать, а не жильё, которое опустело и на следах которого бродит глупец [15,157].

Этот отрывок, как и все остальные, насыщен иранскими элементами в содержании. Так, Абу Нувас называет изображенных на чаше фигур «сынами Бобака» т.е. Сасанидскими царями. Кроме того, поэт завершает описание типичным антиарабским выпадом, предпочитая поэтические мотивы, навеянные доисламской иранской культурой, темам традиционной арабской касыды. Отрывок насыщен и персидскими лексическими элементами, о чем свидетельствуют использованные поэтом персидские слова «тасат» (чаши) и «хандак» (ров).

Теоретики арабской литературы и поклонники творчества Абу Нуваса часто задавались вопросом: были ли эти описания плодом поэтического воображения Абу Нуваса или имели литературный прообраз в виде стихов предшествующих поэтов? Ряд средневековых литераторов пытались найти такой прообраз в винных стихах Имрулькайса. И.Ю. Крачковский справедливо считал, что стихи Имрулькайса о смешении вина с водой, примеров для которого в арабской поэзии можно найти сотни, не могут быть прообразом стихов Абу Нуваса с изображениями на чаше. Ученый считал более правым филолога и историка Ибн ал-Асира, предполагавшего, что за популярным и красивым образом Абу Нуваса стоит «простое отражение виденной картины» [4,339-340]. Другими словами, описания Абу Нуваса чаш с изображениями были навеяны не винными стихами его арабских предшественников, а существованием сасанидских чаш с различными изображениями, которых видел поэт и которые вдохновили его на создание замечательных и неповторимых образов.

Исторические и литературные памятники на арабском и персидском языках также свидетельствуют о распространенности традиции изображения иранских царей на чашах для винопития. Такие иранские чаши с изображениями ахеменидского царя Дария III и сасанидского царя Шапура сына Хурмуза дважды упоминаются в «Гурар ус-сияр» - историческом сочинении Абумансура Саалиби (961-1038) [5,211-212,266-267]. Оба эти упоминания и связанные с ними события, рассмотренные в диссертации, основаны на

традиции изображения иранских царей на винных чашах. Этой традицией иранской культуры были и навеяны вышеуказанные хамрийят Абу Нуваса.

Кроме «Хосровских чаш», в хамрийят Абу Нуваса встречаются и другие сосуды для винопития и хранения вина, имеющие персидские названия и отражающие доисламскую иранскую традицию винопития в поэзии Абу Нуваса. К таковым относятся «джом» (мн.ч. «джомот»), обозначающее серебряную чашу; «ибрик» (мн.ч. «абарик»), означающее «кувшин»; «куза» (мн.ч. «кизон») для обозначения кувшина для вина; «даврак» (мн.ч. «даварик») в значении «графин»; «тас» (мн.ч. «тосат»), которое означает металлическую винную чашу и может быть как золотой, так и серебряной; «тарджахар» - специфически персидское название винного кубка и другие. Мотивы, связанные с использованием этих персидских названий винных сосудов в хамрийят Абу Нуваса, проиллюстрированы в диссертации отрывками из винных стихов поэта.

В третьем разделе анализирован другой тематический блок хамрийят Абу Нуваса, связанный с описаниями виночерпиев и виноторговцев. По законам жанра, виночерпий является постоянным образом винных стихов. В хамрийят Абу Нуваса, виночерпий является преимущественно, иранцем по происхождению. В поэтическом воображении Абу Нуваса, идеальным виночерпием является красивый и сообразительный юноша, воспитанный на древнеиранских традициях. Вот как он характеризует этого виночерпия:

وساقٍ غَرِيْبِ الطَّرْفِ والدَلِ فَاتِرٌ رَّبِيْبِ مُلُوْكٍ كَانَ والدَةُ كَسْرِي

Виночерпий, красивый, кокетливый, соблазнитель, питомец царей, отцом которых был Хосров [14,III,15;15,119].

Иранское происхождение виночерпия, Абу Нувас часто раскрывает такими персидскими арабизированными словами как «мукартак/ куртакий» - «одетый в (иранскую) рубашку» и «мухарсан» - «одетый в хорасанскую одежду». Эти слова являются часто повторяющимися эпитетами для виночерпия иранца в винных стихах Абу Нуваса, например:

وأقبل محسودُ الجمالِ مقرطقٌ غَرِيْبِ النَّهْيِ لَا عَيْبَ فِيهِ أَرِيْبُ
فَرَطَقِي مُخْرَسِنٍ فِي قَبَاءٍ كَرْدَدَامُنْ مَدْرَزٍ بِيرونا

Носит он рубашку (курта), одет во все хорасанское, кафтан у него с округленными полями (гирддоман) и наружным запошиванием (дарзберун) [14,III,313].

В хамрийят Абу Нуваса виночерпием выступает не только мужчина, но и женщина. Обычно, она – образованная, красивая и кокетливая. Она, преимущественно является персиянкой и постоянным атрибутом ее красоты являются «изогнутые скорпионом» локоны:

فِي فَرَطَقِي زَانَهَا تَخْرَسُنْهَا قَدْ عَقْرِبَتْ صُدْعُهَا مَدَارِيهَا

Одета она в куртак. Украсило ее то, что она носит хорасанское одеяние. Ее локоны изогнуты скорпионом ее гребенкой [14,III,342;15,191].

«Изогнутые локоны», а также некоторые другие атрибуты красоты виночерпия – женщины, впервые введены Абу Нувасом в арабскую поэзию. Отсутствие таких мотивов в арабской доисламской и омейядской поэзии, а также их распространение в последующей персидско-таджикской поэзии могут свидетельствовать о том, что они в поэзии Абу Нуваса были навеяны доисламским иранским культурным миром.

Наряду с виночерпием, другим постоянным образом хамрийят Абу Нуваса является виноторговец – хозяин винной лавки, который, разумеется, является немусульманином, т.е. «зиммием», преимущественно, иранцем по происхождению и зороастрийцем по верованию. Хозяином винной лавки может быть и женщина, разумеется, исповедующая зороастризм. Одну из этих женщин Абу Нувас называет ее персидским именем – «Майгун». Часто в хамрийят Абу Нуваса виноторговцем выступает также иранский «дихкан», владеющий

виноградником, плодом которого является продаваемое им вино. Этот мотив находит свое отражение в винных стихах поэта в различных вариациях. Вот одна из этих вариаций:

لَمَّا أَتَيْتُ الدِّهْقَانَ أَخْطَبُهَا مِنْ بَيْنِ أَصْهَارِهَا وَأَحْمَاها
قال: مَنْ الخاطبون؟ قُلْتُ لَهُ: فِتْيَانٌ صِدْقٍ! فقال: أَكْفَاها

Когда я пришел к дихкану, чтобы посватать одну из среди его дочерей и падчериц. Он спросил: Кто же сваты? Я ответил: Искренние молодцы! Он сказал: тогда им - самые достойные! [14,III,25].

В диссертации приведены и другие варианты мотивов, характеризующих виноторговцев – хозяев винных лавок. В этом отношении примечательным является следующий отрывок, в котором виноторговка названа не только «зороастрийской» - «бехдина» и носящей «куртак» - персидскую одежду, но и указывается ее влечение поклоняться солнцу при восходе. Тем самым, Абу Нувас насыщает, как лексику, так и содержание своего стихотворения доисламскими, точнее, зороастрийскими мотивами:

بِهَيْدِينَةٍ تَشْكُو التَّبَارِيحَ مِنْ رُمَاتِي صُدْرَتِهَا الْقَرَطِقُ
أَكْثَرُ مَا يُشْغِلُهَا سَجْدَةٌ لُغْرَةُ الشَّمْسِ إِذَا تَشْرَقُ
تُزَوِّجُ الخَمَرَ مِنَ المَاءِ فِي طَاسَاتِ تَبْرِ خَمْرُهَا يَفْهَقُ

Зороастрийка, платье которой жалуется на стеснение от двух гранатов ее груди,

Больше всего ее занимает поклон первому лучу солнца, когда оно восходит

Она смешивает вино с водой в чашах из золота, внутренность которых заполнена [14,III,213-214].

В четвертом разделе главы рассматриваются винные лавки как носители иранских традиций. Для обозначения винных лавок, Абу Нувасом использованы такие определения как «ханут» (древнеарабская лавка), «байт ул-уджм» (дом аджамийцев) или «байту хаммар» (дом виноторговца). Значительно чаще поэт обозначает винную лавку персидским словом «даскара», что означает «дом вина и увеселений». Как явствует из содержания хамрийят Абу Нуваса, «даскара» (мн.ч.: «дасакир») представляло собой винную лавку, хозяином которой был иранец и иранские традиции винопития преобладали в ней. Об этом свидетельствует следующий стих поэта:

لا تَبْكِي رَسْمًا بِجَانِبِ السَّنْدِ وَلَا تَجْدِي بِالدَّمُوعِ بِالْجَرْدِ
وَعَدِ عَنْهَا إِلَى دَسَاكِرَ لَمْ تُرْبِطْ بِهَا خِيْمَةً إِلَى وَتْدِ

Не оплакивай оставшихся следов рядом с ас-Санадом. И не проливай обильные слезы в ал-Джараде.

Отвернись от них и направляйся в это место, где есть винные лавки (дасакир) и где (бедуин) никогда не разбивал свой шатер [14,III,108].

Как видно, поэт в приведенном бейте отвергает всякую связь «дасакир» - винных лавок с бедуинским шатром, символизирующим здесь древнеарабскую культуру.

По хамрийят Абу Нуваса, также можно определить географию расположения иранских винных лавок – «дасакир». В своих стихах поэт воспекает винные лавки Кутраббуля, Гизанабада, Салехия, ал-Фарк, Килваз, находившиеся поблизости Багдада и считавшиеся ареалом распространения традиций сасанидской культуры.

В пятом разделе рассматриваются «рекомендуемые» сотрапезникам в хамрийят Абу Нуваса правила и обычаи винопития, а также морально-этические качества, которыми должны обладать сотрапезники.

Абу Нувас считает дозволенным пить вино и участвовать в пирушке только благородному и серьезному человеку. Подлые и низкие люди не должны прикасаться к этому благородному напитку. Вот как он поэтически оформляет эту моральную установку:

ولا تسق المدام فتىً أنيمياً
لأن الكرم من كرم وجود
لأنى لا أحلّ للنيم
وماء الكرم للرجل الكريم

Не напои вином подлого и низкого человека

Потому что я не считаю дозволенным пить вино низкому человеку.

Так как карм (виноградная лоза) исходит из корня «карам» (благородство), то сок лозы (карм) подобает пить благородному (карим) [14,III,287;15,144]

В рассмотренных в диссертации стихотворениях Абу Нуваса образ идеального сотрапезника дополнены такими качествами, как дружелюбие, искренность, обходительность, важность и серьезность во время пирушки. Почти во всех хамрийят Абу Нуваса его сотрапезниками являются благородные юноши. Их поэт часто называет «фитян сидк» (искренние молодцы) или «фитят ахрар» (благородные молодцы).

Акцентирование Абу Нуваса на морально-этических достоинствах сотрапезника трудно связать с древнеарабской системой моральных ценностей, опирающейся на «мурувва» и «асабийя» [7,27]. Умения «пить вино» и «достойно трапезничать» не входили в число традиционных арабских добродетелей до ислама и, тем более, после ислама, наложившего запрет на вино. В то же время в доисламской культурной жизни Ирана вино занимало особое место, так как зороастризм не запрещал пить вино. Кроме того, воспитание юношества в раннесредневековом Иране предполагало усвоение традиционных элементов культуры винопития. Этот тезис подтверждается в диссертации не только сравнением морально-этических наставлений Абу Нуваса с соответствующими частями персидско-таджикских дидактико-назидательных сочинений, но и винными стихами самого Абу Нуваса, в которых содержатся прямые указания на традиции иранской культуры винопития. В этом отношении большой интерес представляет «мимия» Абу Нуваса [14,III,290-291], в которой Абу Нувас описывает свое «участие» в ночной винной пирушке иранцев. Примечательно, что поэт начинает свой хамрийят традиционным для его поэзии выпадом против традиций остановки у покинутой стоянки возлюбленной. Далее хамрийят распадается на три тематические части. Первая часть (бейты 2-5) – это перечисление морально-этических достоинств сотрапезников-иранцев. Им свойственны как раз те достоинства, которые Абу Нувас в других стихотворениях «рекомендовал» сотрапезникам. Другая часть хамрийят (бейты 6-8) посвящена описанию красивого сада, посреди которого происходит трапеза. Третья часть (бейты 9-13) стихотворения построена на противопоставлении иранских и арабских нравов и обычаев винопития. Здесь поэт одобрительно отзывается о своих иранских сотрапезниках и однозначно осуждает поведение и обычаи арабов при трапезе. Иранское происхождение своих «сотрапезников» Абу Нувас раскрывает не только словами «фурс» (персы) и «Бану-л-Аъаджим» (аджамийские сыновья), но и указанием на зороастрийскую традицию «замзама». Таким образом, рекомендуемые Абу Нувасом застольные правила и обычаи, а также одобряемые поэтом в сотрапезниках морально-этические достоинства основаны на традициях доисламской иранской культуры винопития.

В шестом разделе рассматриваются иранские традиции в антураже описываемых Абу Нувасом винных пирушек. Эти пирушки представляли собой веселое времяпровождение за кубком вина не только в винных лавках, но и в красивых садах на лоне природы. Разумеется, антураж таких пирушек включал в себя атрибуты веселой и праздной

жизни, к которым относились музыка и пение, цветы и благовония, тенистые сады и певчие птицы. Во многих хамрийят поэт призывает пить вино и насладиться музыкой, как например в следующих стихах, в которых использован чисто персидский музыкальный термин «баму зер»:

ومن شَرِبِ بلا طَرَبٍ وَلَهْوٍ فإِن الخَيْلِ تَشْرَبُ بالصَّفِيرِ
فليس الشَّرْبُ إلا بالمَلاهي و بالحرَكاتِ من بَمِ وزيرِ

Не пей (вина) без музыки и пения, ведь даже лошади пьют тогда, когда им насвистывают.

И не следует пировать без песен и различных по тону звуков лютни [14,III,171-172; 15,678].

Музыкальный фон в хамрийят обеспечивается иногда описанием музыкальных инструментов, на которых играют музыканты во время пирушек. Так, в хамрийяте, сложенном в честь наступления древнеиранского праздника – Навруза, Абу Нувас описывает «барбат» - лютню, которая не имеет языка, но говорит, она похожа на человеческую ногу, пальцы которой окрашены и на них нанизаны струны [14,III,145-146].

Музыкальный фон антуража пирушек в хамрийятах Абу Нуваса трудно связать с традициями доисламской арабской музыкальной культуры, поскольку у арабов до ислама не было развитой музыкальной традиции, хотя поэзия достигла небывалых высот и стала недостижимым образцом для последующих эпох. Напротив, среди иранских народов до ислама была развита музыкально-песенная культура, которая занимала примерно такое же место, какое поэзия занимала в духовной жизни арабов. Именно традиции доисламской музыкальной культуры иранских народов оказали влияние на развитие музыки и пения среди арабов в первые века ислама [10,125-126].

Другим важнейшим элементом антуража пирушек в хамрийят Абу Нуваса является «цветочный орнамент», образующийся из описания поэтом цветов, благовоний, оживляющейся весной природы, садов и лугов, среди которых обычно происходит винопитие. Следует отметить, что «цветочный орнамент» не характерен для доисламской арабской поэзии. Его место в этой поэзии занимали «картины» пустынного пейзажа, которые были типичны для среды обитания и творчества древнеарабского поэта. Эта среда кардинально изменилась под влиянием тех трансформаций, которые произошли в политической, социальной и культурной жизни арабов после появления ислама и образования Арабского Халифата. Однако канонический характер арабской поэзии не позволял ей быстро адаптироваться к изменившимся условиям. Лишь в эпоху Аббасидов, когда арабо-иранский литературный синтез стал состоявшимся фактом культурной жизни Халифата, каноны арабской поэзии стали трансформироваться сообразно новым влияниям в культурной и духовной жизни Халифата. Эти изменения в эстетике арабской поэзии в наибольшей мере отразились в хамрийят Абу Нуваса, в которых изумительные картины весенней природы, красота и блеск садов и цветов создают типичный фон для пирушек.

В хамрийят Абу Нуваса «цветочный орнамент» связывается с проявлениями иранской культуры и противопоставляется арабо-бедуинской культуре. Такое противопоставление поэтически обыгрывается в следующем стихотворении поэта, где родиной вина называется древний Иран, характеризующийся обилием цветов и благовоний. Вместе с тем, поэт отвергает всякую связь вина с пустыней Аравии с ее скудными растениями и культурой бедуинских племен:

كانت على عهد نوحٍ في سفينته من حرٍ شحنتها، والأرضُ طوفانٌ
فلم تزل تعجُّمُ الدنيا، وتعجمها حتى تخيرها للخُبءِ دِهقان

<p>إلى خِباءٍ، ولاعبَسَ وأُديانَ لكنها لبني الأحرارِ أوطانُ فما بها من بني الرِّعَاءِ إنسانُ ولا بها من غداءِ العَرَبِ خُطبانُ أسّ، وكللُهُ وَرَدٌّ وسوسانُ</p>	<p>ببِلْدَةٍ لم تَصِلْ كُتُبُهَا طُنْباً ليستْ لُدْهُلٍ، ولاشيبانِها وَطْناً أرضٌ تَبْنِي بها كَسْرَى دساكره وما بها من هَشِيمِ العَرَبِ عَرْفَجَةٌ لكن بها جُنُنارٌ قد تَفَرَّعَةٌ</p>
---	---

Это вино в эпоху Ноя, когда на земле произошел потоп, было самое лучшее из того, что было взято на Ноев ковчег.

Но превратности судьбы продолжались и грозили вину, пока (иранский) дихкан не отобрал его, чтобы спрятать.

В стране, в которой не разбивал свою палатку ни Калб, ни Абс и ни Зубьян.

В стране этой не жили ни Зухл и ни Шейбан, а была она родиной благородных иранцев.

На этой земле – дворцы, которых построил Хосров. Здесь нет никого из племени бедуинов.

Нет здесь и из еды бедуинов горьких плодов колоквинта, не встретишь здесь из растительности бедуинов арфаджу.

Здесь ты встретишь цветы гранатника, над которыми возвышается мирт, а розы и лилии венчают их [14,III,324-325;15,126-127].

Таким образом, основными элементами антуража пирушек в хамрийят Абу Нуваса являются музыкальный фон и цветочный орнамент, ассоциирующиеся с проявлениями доисламской культуры иранских народов и противопоставляемые арабо-бедуинской культуре.

Третья глава названа «Антитрадиционализм и приверженность Абу Нуваса к иранской культуре» и состоит из двух разделов.

В первом разделе данной главы рассматривается антитрадиционализм в поэзии Абу Нуваса как отображение его художественной поэзии. В этой связи следует отметить, что Абу Нувас не был противником традиций арабской поэзии. Он, как показывает его поэзия, лучше других знал эти традиции и чтит их. Абу Нувас выступал против тех традиций и штампов, которые устарели и не соответствовали духу нового времени. Он был против «бедуинства» и бедуинской тематики в поэзии, время которых безвозвратно ушло и подражание им в условиях городской жизни и «дворцовых» реалиях означало не более, чем консерватизм и косность, которые сковывали поэтическое воображение и заставляли поэтов следовать затвердевшим штампам и темам. Отсюда, наиболее типичным и постоянным проявлением антитрадиционализма в поэзии Абу Нуваса считаются его выпады против теми «атлал и даман» - традиционного начала древнеарабской касыды. Традиция требовала от поэтов в начале касыды останавливаться на пустыне у следов стоянки, которую покинула возлюбленная и ее племя. Поэт, вспоминая возлюбленную, должен был проливать слезы. Эта незыблемая со времен Имруулькайса традиция, превратившаяся в канон поэзии, вызывало неприятие у Абу Нуваса и он начинал большинство своих стихотворений с «протеста» против этой темы. Поэт обычно издевается над призывом останавливаться у развалин покинутой стоянки, высмеивает атрибуты арабо-бедуинской культуры. В большинстве хамрийят Абу Нуваса антитрадиционализм поэта проявляется в переплетении протеста против традиционного зачина древнеарабской касыды с гедонистическими мотивами, например:

<p>واقفاً ما ضر لو كان جَلَسَ واصطيح كرخيةً مثل القيسِ</p>	<p>قل لمن يبكي على رسمِ دَرَسَ أتركِ الرِّبْعِ وسلمى جانباً</p>
--	---

Скажи тому, кто оплакивает стершиеся следы стоя: не повредило бы ему делать это сидя.

Оставь в сторону Рубу и Салма! Выпей утром кархийское вино, искрящееся подобно горящему углю [20,III,196;21,134].

В диссертации подробно рассмотрены винные стихи Абу Нуваса, в которых протест против традиционного начала арабской касыды сопровождается с осмеянием отдельных арабских племен, символов арабо-бедуинской культуры и поэзии, традиционных героин древнеарабских касыд и завершается прославлением того, кто покупает вино и наслаждается им.

Другим проявлением антитрадиционализма Абу Нуваса являются те его стихотворения, в которых вино противопоставляется исламу. В более, чем двух десятках своих хамрийят Абу Нувас так или иначе задевает основные предписания ислама и его запрет на винопитие. Однако, по силе антирелигиозной направленности, всех этих хамрийят превосходит другое стихотворение, которое известно в диванах поэта под названием «Советы факиха». Поэт пишет, что когда в винной лавке начали осуждать его образ жизни, он ответил, что он обратился к факиху с вопросами о необходимости соблюдения основных предписаний ислама. Далее поэт приводит свои вопросы и ответы факиха. В частности, он пишет:

إلا غفراً ترتمي بشرارِ صل الصلاة، وبت حليف عقارِ من فرض ليل فأفضه بنهارِ واشدذ عرى الإفطار بالإفطارِ شيء يُعد لآلة الشطارِ هذا الفصول، وغاية الإذبارِ ولوان مكة عند باب الدارِ	قلت: النبيذُ تحله؟ فأجاب: لا قلت: الصلاة؟ فقال: فرض واجب اجمع عليك صلاة حول كامل قلت: الصيام؟ فقال لي: لا تنوه قلت: التصدق والزكاة؟ فقال لي: قلت: المناسك إن حججت؟ فقال لي: لا تاتين بلاد مكة محرماً
--	--

Я спросил его: «Ты позволяешь пить вино?» Он ответил: «Нет, но не отказись от искрометного хмельного зелья»

Я спросил: «А как же молитва?» Он ответил: «Это непременно долг. Соверши молитву, а потом проводи ночь с вином.

Объедини для себя молитвы за целый год, которые следует совершить ночью, и соверши всех их днем».

Я спросил: «А как же быть с постом?» Он ответил мне: «И не задумай поститься. Растягивай один ифтар до другого».

Я спросил его: «А как насчет милостыни и заката?» Он сказал мне: «Это то, что считается рудием мошенников».

Я спросил его: «А как быть с обрядами если совершу хадж?» Он ответил: «это уже лишнее и самое ненужное

Не ходи в Мекку, облачившись в ихрам, даже если Мекка будет у дверей твоего дома!» [15,200-201].

За антиисламской тематикой и ее переплетением с гедонистическими мотивами в творчестве Абу Нуваса скрываются ее мировоззренческий скептицизм и литературный антитрадиционализм. Поэт высмеивал исламские предписания не потому, что его мировоззрение было основано на еретизме, а потому, что исламские предписания регламентировали как религиозную, так и личную жизнь человека. Вольнодумие Абу Нуваса, его свободолобивая натура и склонность к новому и нетрадиционному отразились в его антирелигиозных стихотворениях, вылились в своеобразные «советы факиха».

Антирелигиозная тематика в творчестве Абу Нуваса была навеяна также приверженностью поэта к иранской культуре. Доисламская культура Ирана не запрещала пить вино, которое считалось символом свободного человека. Противопоставляя вино исламу и высмеивая исламские запреты и предписания, Абу Нувас не скрывал свои симпатии к атрибутам иранской культуры.

Второй раздел третьей главы посвящен рассмотрению проявлений приверженности Абу Нуваса к иранской культуре.

Одним из проявлений приверженности Абу Нуваса к иранской культуре были антиарабские и антихалифатские, т.е. шуубитские мотивы, которыми насыщены его стихи. Абу Нувас, как и другие поэты-шуубиты, неоднократно высмеивает отдельные арабские племена в оскорбительных выражениях, однако высмеиваемые им племена относятся, в основном, к северной группе арабских племен – аднанидам. Что же касается южноарабских племен – Кахтанидов, то Абу Нувас часто восхваляет их доблести, прославляет знаменитых представителей этой группы племен, подчеркивая при этом исторические связи южных арабов с древней иранской цивилизацией и иранской державой (14,II,1-6;15,506-507). Высмеивание Аднанидских племен, представлявших в Халифате того времени североарабскую партию во главе с халифом Харун-ар-Рашидом, носило открытую антиарабскую и антихалифатскую направленность и было обусловлено шуубитским влиянием, тем более, что мотивом прославления Кахтанидов для Абу Нуваса служили древние и широкие связи этих племен с доисламским Ираном.

Другой особенностью проявления шуубитской идеологии в поэзии Абу Нуваса, проиллюстрированной в диссертации отрывками из стихов поэта, является переплетение мотивов протеста против традиционного зачина древнеарабской касыды с высмеиванием арабо-бедуинской культуры и прославлением культуры иранских народов. Приверженность Абу Нуваса к традициям культуры и литературы иранских народов проявляется и в обращении поэта к легендарной и действительной истории Ирана, к традициям и обычаям иранских народов.

В результате, в стихах Абу Нуваса часто встречаются реминисценции из героического и культурного прошлого Аджамы, образы иранских царей эпохи Ахеменидов и особенно Сасанидов, мотивы, навеянные иранской доисламской традицией. Для подтверждения этого тезиса в диссертации рассмотрены ряд касыд Абу Нуваса, насыщенных такими реминисценциями. Так, начиная одну из этих касыд резким выпадом против темы оплакивания развалин стоянки возлюбленной, Абу Нувас упоминает затем исторические заслуги и великих представителей Кахтанидов. И тут выясняется, что предметом гордости химьяритов – южноарабских племен, помимо прочего, являются их исторические и мифические связи с древним Ираном. В этом сказалось, разумеется, отличное знание Абу Нуваса истории и исторических взаимоотношений иранских народов и арабов. Отголоском этой истории является то, что в касыде поэт причисляет Заххака к Кахтанидам, что соответствует древнеиранским мифологическим представлениям о Заххаке как завоевателе-чужестранце, убившего царя Джамшида и захватившего иранский престол. Далее Абу Нувас обращается уже к действительной истории Сасанидов и их отношениям с арабами, упоминая помощь, которую арабы оказали Бахрому Гуру для того, чтобы он овладел иранским престолом:

وَنَحْنُ إِذْ فَارِسٌ تُدَافِعُ بِهَرَامٍ قَسَطْنَا عَلَى مَرَاذِبِهَا

Мы, когда Иран сражался с Бахромом, поступили справедливо с его марзбанами [14,II,1;15,506].

Абу Нувас указывает и на другой случай поддержки южноарабских племен сасанидского царя Хосрова Парвиза, когда он в борьбе с Византией обратился к ним за помощью. Продолжая перечисление тех событий истории арабо-иранских связей, которыми гордились южноарабские племена, Абу Нувас намекает на то, что иранский царь Кавус в течении семи лет приносил подать Йемену.

Таким образом, реминисценции из мифологической и реальной истории иранских народов, обращение к именам и деятельности иранских царей придают касыде Абу Нуваса особый иранский колорит, свидетельствующий о тяготении поэта к иранскому культурному миру.

Общая арабо-иранская культурная среда, сложившаяся в Халифате в первые века ислама, способствовала культурному взаимодействию между арабами и иранскими народами. В результате, широкое распространение в Халифате нашли многие обычаи и традиции иранских народов, среди которых важное место занимали древнеиранские праздники, прежде всего Навруз и Мехргон, являющиеся древнейшими и универсальными народными праздниками иранских народов. Традиции Навруза и других древнеиранских праздников нашли свое отражение в поэзии Аббасидской эпохи. Праздники Навруз и Мехрган неоднократно упоминаются в стихах Абу Нуваса. Атмосфера этих праздников, которой были свойственны радость и веселье на лоне красивой природы, полностью соответствовала гедонистической направленности поэзии Абу Нуваса, особенно его хамрийят. Этим фактором обусловлено то, что в стихах, посвященных древнеиранским праздникам, праздничные мотивы сочетаются с темами природы, цветов, вина и музыки. Свидетельством тому может служить следующий отрывок из хамрийят Абу Нуваса:

<p>بِنُورِ عَلَى الْأَغْصَانِ كَالْأَنْجُمِ الزَّهْرِ مِنَ الصَّفْرِ فَوْقَ الْبَيْضِ وَالْخَضْرِ وَالْحُمْرِ إِلَى الشَّرْبِ أَنْ سُرُوا، وَمَا مِنْ السُّكْرِ بِغَيْرِ لِسَانٍ ظَلَّ يَنْطِقُ بِالسَّحْرِ كَمَا تَنْطِقُ الْأَقْلَامُ تَجْهَرُ بِالسَّرِّ</p>	<p>باكرنا النوروز في غلس الدُجى يلوح كأعلام المطارفِ وشيئه إذا قابلته الريح أوما برأسه ومسمعة جاءت بأخرس ناطق لتبدي سر العاشقين بصوته</p>
---	---

Навруз пришел к нам рано, в предрассветных сумерках, с цветами на ветвях деревьев, похожими на блистающие звезды.

Сверкают, подобно узорам шелкового покрывала, его узоры из желтых, белых, зеленых и красных цветов.

Когда ветер подует на них, они кивают головой, как бы говоря: Радуйтесь! И склоняются к опьяневшим.

И музыкантша играет на лютне, которая, не имея языка, издает чарующие звуки.

А звуки эти выдавали сокровенные тайны влюбленных, подобно тому, как бессловесное перо, когда пишет, делает все тайное явным [14,III,145-146;15,222-223].

Приверженность Абу Нуваса к древнеиранским традициям и его обширные знания об этих традициях обнаруживают стихотворения поэта, посвященные таким древнеиранским календарным праздникам, как Рамруз и Фаррухруз. Другим проявлением приверженности Абу Нуваса к традициям культуры и литературы иранских народов было использование паремического наследия иранских народов в его поэзии. Использованные Абу Нувасом пословицы, поговорки и афоризмы свидетельствуют о том, что Абу Нувас хорошо знал паремический фонд иранских народов. Приводя пословицы и поговорки в своих стихах, Абу Нувас иногда указывает их иранское происхождение, например:

بعد امتناع وشدة التعب	سألها قبلة ففرزت بها
جودى بأخرى اقضى بها اربي	فقلت بالله يا معذبتى
يعرفه العجم ليس بالكذب	فأبتسمت ثم أرسلت مثلاً
يطلب أخرى بأعنف الطلب	لا تُعطين الصبي واحدة

Я попросил у нее поцелуя и добился его после отказов, с большим трудом, И тогда я сказал ей: «Клянусь Аллахом, о моя мучительница, расцедришь еще на один, чтобы я достиг своей цели».

Она улыбнулась, а потом привела известную иранцам пословицу, которая верна:

«Не давай ребенку одной (игрушки), не то он станет упорно требовать другую» [15,274].

Однако в большинстве из 170 случаев использования пословиц и поговорок в стихах Абу Нуваса, не указаны их иранское или арабское происхождение. В таких случаях, определение происхождения этих образцов паремического фонда возможно путем их сопоставления с персидско-таджикскими пословицами и поговорками. Выявление тематическо-смыслового соответствия между ними дает возможность причислить большое количество использованных Абу Нувасом в своих стихах пословиц и поговорок к иранскому паремическому фонду. Вот типичные примеры такого подхода:

فليس يحوى الغمد سيفين	فلا ترومي جمع هذا وذا
يصلح ملك بين اثنين	لا يحمل المنبر ردفا ولا

Не требуй от меня соединить это с тем, ведь в одни ножны не вкладывают две сабли.

Так же как за одной кафедрой не могут стоять двое, и одной страной не могут управлять два царя [14,V,256].

Ср.: *Як шахру ду подшоҳ нагунчад / Ду сар ба яке кулах нагунчад*

(В одном государстве не могут быть два царя / И две головы нельзя поместить в одну шапку) [6,II,73].

Или: *Ду тег дар як наём нагунчад (Два меча не поместятся в одних ножнях) [8,II,44].*

Другой пример:

هيهات تضرب في حديد بارد	فأجابني منه بحرف واحد
-------------------------	-----------------------

И ответил он мне от его имени одним словом: Увы, ты бьешь по холодному железу [14,V,268].

Ср.: *Оҳани сард кӯбидан (Быть по холодному железу, т.е. делать бесполезную работу) [8,II,502].*

Абу Нувас хорошо знал паремический фонд иранских народов. Переводя пословицы, поговорки и афоризмы на арабский язык и используя их в своих стихах, он, с одной стороны, сохранил их в условиях «молчания» иранских языков, с другой, обогатил арабскую поэзию образцами иранской мудрости.

В последнем подразделе данной главы исследовано другое проявление иранского компонента в поэзии Абу Нуваса, а именно его стихи, начиненные персидскими словами, выражениями и даже целыми предложениями. Такие стихи поэта получили известность под названием «фарсийят». По подсчетам Хамза ал-Исфахани в своих фарсийят Абу Нувас употребил более 200 [14,V,281], а по последним изысканиям [16,VI,363-367] – около 270 персидско-таджикских слов. Поэтому фарсийят Абу Нуваса важны для исследования истории персидско-таджикского языка. Исходя из этого, употребление персидско-таджикских лексических оборотов в стихах Абу Нуваса проиллюстрированы в диссертации многочисленными примерами. Используя персидско-таджикские слова, Абу Нувас внедрял в

свою поэзию литературные и культурные традиции иранских народов. Это явление – уже не чисто лингвистическое, но и литературоведческое, имеющее значение для истории литературы иранских народов в период ее «инобытия» или же в ее арабоязычный период.

Подтверждением этого тезиса может служить следующий отрывок из фарсийят Абу Нуваса, язык и содержание которого насыщены элементами, образами и мотивами доисламской культуры и литературы иранских народов:

وَحَقِّ الْمَاهِ وَالْمِهْرِ الرَّئِيسِ	بِاسْفَهْرِ وَنَاهِيذٍ وَتِيرِ
مِنَ الْمِينِوِ الْكُرْزَمَانِ النَّفِيسِ	وَحَقِّ الْأَنْزْرِ الْخَوْرَاءِ نَوْرِ
يَزْمِزْمُهُ هَرَابِدُ أُسْطُنُوسِ	وَحُرْمَةِ بَرَسَمِ التَّقْدِيسِ مِمَّا
بَدْوَرِ الْكَأْسِ كَأْسِ الْخَنْدَرِيسِ	وَبِالْجَهْبَارِ فِي الْخُرْنِ الْبُرْجِي
وَفِرْخُرُوزِ أَبْسَالِ الْكَبِيسِ	بِحَقِّ الْمَهْرَجَانِ وَنَوَكْرُوزِ
كِتَابِ زَرْدُشْتِ دَاعِي الْمَجُوسِ	بِمَا يَتَلَوْنَ فِي الْبِسْتَاقِ رَمْزَا
وَفِرْخَرْدَاتِ رَامِينِ وَوَيْسِ	وَمَا يَتَلَوْنَ فِي شَرْوِينِ دَسْتَبِي
فَبَانِي مِنْ جَفَانِكِ فِي رَسِيسِ	لِمَا كَلَمْتَنِي وَرَدَدْتِ نَفْسِي

(Умоляю я тебя) ради неба, Венеры и Меркурия. Ради луны и главенствующего солнца.

Ради (молельни) Азар Хавра, которая излучает сияние, подобное сиянию эмпирия.

Ради священного барсама, (употребляемого при богослужении) хирбадами (храма) Астанус.

Заклинаю праздниками, во время которых происходит великий пир, и движутся по кругу чаши вина.

Мехрганом и Наврузом, и Фаррухрузом - началом весны високосного года.

Насками Авесты, книги Зардушта – проповедника огнепоклонников.

Рассказами о Шарвине из Даштаба, и фаргардами «Рамин и Вис»-а.

Если ты не поговоришь со мной и не вернешь мне мой дух, то я, из-за сухости твоей, впадаю в горячку» [14,V,143-144].

Появление фарсийят Абу Нуваса было мотивировано арабско-персидским билингвизмом и бикультурализмом в первые века ислама, а также блестящим знанием поэтом этих двух языков. В этом отношении фарсийят являются наилучшим отражением приверженности Абу Нуваса к культуре и литературе иранских народов.

В **заключении** диссертации излагаются общие выводы по результатам исследования в 10 пунктах, подтверждающие то, что творчество Абу Нуваса было порождением общей арабо-иранской культурной и литературной среды Халифата в VIII-IX веках. В условиях арабского завоевания, когда арабский язык был единственным средством литературного творчества для иранских народов, поэзия Абу Нуваса с характерным для него тяготением к иранской древности, к иранским культурным и литературным традициям свидетельствует, что арабское нашествие в Иран и Среднюю Азию не смогло прервать развитие литературы иранских народов, что традиции этой литературы были продолжены в арабоязычном творчестве Абу Нуваса и его последователей. Творчество Абу Нуваса сыграло важную роль в обеспечении преемственности связей между доисламской литературой иранских народов и персидско-таджикской литературой эпохи Саманидов. В этом смысле, Абу Нувас является блестящим представителем арабоязычного периода литературы иранских народов, периода, который был общим для арабской и персидско-таджикской литератур.

Список использованной литературы:

1. Гибб Х.А.Р. Арабская литература. Классический период. Перевод А.Б. Халидова / Х.А.Р. Гибб – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. - 185 с.
2. Зоҳиди Н. Вопросы арабо-иранского литературного синтеза в первые века ислама / Н. Зоҳиди. - Худжанд: Ношир, 2017. – 312с.
3. Зоҳидов Н. Адабиёти форсу тоҷик дар асрҳои VIII-IX (давраи арабизабонӣ) / Н. Зоҳидов. – Душанбе: Бухоро, 2014. – 444 с.
4. Крачковский И.Ю. Сасанидская чаша в стихах Абу Нуваса. Избранные сочинения. Т. II. / И.Ю. Крачковский. - М.-Л.: Издательство АН СССР, 1956. - С.336-350.
5. Саалиби. Таърихи «Гураар ус-сияр». Таҳиягар ва муаллифи сарсухану таълиқот Н. Зоҳидов / Саалиби. – Душанбе: «Бухоро», 2014,- С.211-212
6. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). Дар ду ҷилд. Ҷилди 1. – Москва: Нашриёти «Советская энциклопедия», 1969. -952с., Ҷилди 2 – 954с.
7. Фильштинский И.М. История арабской литературы V-начало X века / И.М. Фильштинский. - М.: Наука, 1985.-525с.
8. Фозилов М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ. Дар се ҷилд. Хилди 1 – Душанбе, Ирфон, 1975; - 368с., Хилди 2 – Душанбе, Ирфон, 1977; - 584с., Хилди 3 – Душанбе, Нашри Камол, 2014, - 640с.
9. Шидфар Б.Я. Абу Нувас. Писатели и ученые Востока / Б.Я. Шидфар – М.: Наука, 1978. – 232с.
10. Эберман В.А. Персы среди арабских поэтов эпохи Омейядов. ЗКВ, Т.II. выпуск 1. / В.А. Эберман. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – С.113-154.
11. البغدادي، عبد القادر. خزنة الادب ولب لباب لسان العرب. مجلد ۱۳. مكتبة الخانجي، ۱۹۹۷-۱۴۱۸.
12. ابن المعتز. طبقات الشعراء المحدثين. تحقيق عبد الستار احمد فراج. - القاهرة: دار المعارف بمصر، ۱۹۵۶.
13. ابن ندیم، محمد بن اسحاق. كتاب الفهرست. تصحيح فلوكل، ترجمة رضا تجدد، - تهران، ۱۳۶۶ / ۱۹۴۷.
14. أبو نواس الحسن بن هانئ الحكمي. ديوان. تحقيق ايڤالد فاغنر و غريڤور شولر. ۵ مجلد. الطبعة الثانية. - بيروت: النشرات الإسلامية، ۱۴۲۲هـ-۲۰۰۱م.
15. أبو نواس الحسن بن هانئ. ديوان. حققه وضبطه وشرحه أحمد عبد المجيد الغزالي. - بيروت لبنان: دار الكتاب العربي، ۱۴۰۴هـ- ۱۹۸۴م. - ۷۶۷ص
16. آرنوش، آرتاش. دائرة المعارف بزرگ اسلامي. ج.۶. - تهران، ۲۰۰۱.
17. بروكلمان، كارل. تاريخ الادب العربي. نقله الى العربية عبد الحلیم النجار. ۵ أجزاء. - القاهرة: دار المعارف، ۱۹۶۵/۱۳۸۴.

Публикации по теме диссертации:

I. В ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Акилова Н.А. Абу Нувас – мастер хамрийятов: Происхождение, название, эпитеты вина и винные традиции / Н.А. Акилова // Вестник Таджикского Национального Университета (научный журнал). Серия Филология. – Сино, Душанбе, 2014. - №4/2 - С.227-232 (на русс. яз.)
2. Акилова Н.А. Иранские элементы в газелях Абу Нуваса / Н.А. Акилова // Вестник Таджикского Национального Университета (научный журнал). Серия Филология. – Сино, Душанбе, 2014. - №4/4. - С.154-158 (на русс. яз.)
3. Акилова Н.А. Общие мотивы в творчестве Абу Нуваса и персидско-таджикских поэтов / Н.А. Акилова // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – Дониш, Душанбе, 2016. - №3 (243). - С. 163-169 (на русс. яз.)

II. Публикации в иных изданиях:

4. Акилова Н.А. Иранец Абу Нувас – поэт-новатор арабской классической эпохи (IX век) / Н.А. Акилова // Научный ежеквартальный журнал «Ирано-Славика», Москва, 2010. -№1/2 (20) - С. 37-40 (на русс. яз.)
5. Акилова Н.А. Литературно-поэтические отношения персидско-арабской цивилизации в раннее средневековье / Н.А. Акилова // «Номаи Ховаршиносон». Труды ученых факультета восточных языков, Худжанд, 2012. – С.216-225 (на русс. яз.)
6. Акилова Н.А. Персидские слова в творчестве Абу Нуваса / Н.А. Акилова // Шелковый путь и Евразийские межкультурные отношения. Материалы международной научно-теоретической конференции, посвященной «Году развития туризма и народных ремесел» - Душанбе, 2018. - С. 165-168 (на тадж. яз.)
7. Акилова Н.А. Наследие Абу Нуваса / Н.А. Акилова // «Номаи Ховаршиносон». Труды ученых факультета восточных языков, Худжанд, 2018. – С. 236-241 (на русс. яз.)

